

29.04.92

МОДА, ВЫШЕДШАЯ ИЗ БЕРЕГОВ

На подмостках появляется дама в строгом белом одеянии. Ее плечи, шею, глаза, волосы обвивает жгуче-красная лента, и будто вышла дама не из театральных кулис, а из какой-то нерукотворной завесы, за которой лежит бездна - начало всех начал. Словно это душа человеческая, опутанная колдовскими нитями. Появляется и исчезает...

А вот перед нами женщина в нежном весеннем наряде. Ее прекрасную голову окружают изящные лепестки-крылышки. Бабочка, в которую превратилась Изиды, нашедшая своего Озириса...

Пыльный вгиковский павильон преобразился в считанные мгновения. По белому полотну сцены грациозно передвигались манекенщицы, облаченные в костюмы Натальи Нафталиевой. Звучала изысканная музыка, свет прожекторов преломлялся в тонких тканях, - все это создавало атмосферу чуда.

И это действительно было чудо: одежда, которую мы привыкли считать чем-то второстепенным, предназначенным для того, чтобы укрывать и украшать человеческое тело, предстала перед нами... произведением искусства.

Арена - 1992 - 29 апреля 15-16 - с. 10

Но читатель вправе возразить: ведь изысканный наряд для великосветского вечера, экстравагантный театральный костюм, неординарная модель для повседневного обихода - они также могут быть произведением искусства. Безусловно, любой уважающий себя модельер считает, что он - художник. И, без сомнения, он прав.

Хорошая одежда способна выразить внутреннюю сущность человека, который ее носит. Стиль, цвет, фактура во многом определяют поведение, манеру общения, могут привлечь к человеку или, наоборот, оттолкнуть от него.

Это ли еще раз доказала Нафталиева? Не совсем. На мой взгляд, она раскрыла другой, более глубокий пласт такого явления, как мода.

Говоря условно, мы можем сказать, что мода в ее обычном понимании - это явление "цивилизации", а творчество Нафталиевой - явление "культуры". О разнице между этими двумя понятиями говорили еще Шпенглер и Бердяев, нам остается вспомнить суть их размышлений.

Смысл всех атрибутов "цивилизаций" заключается в том, что они украшают, облагораживают человеческий быт, делают его более комфортным, благополучным. "Культура", которая есть то же, что и искусство, интересуется исключительно духовными вопросами: ее волнуют проблемы жизни и смерти, любви и ненависти, смысла или бессмыслия бытия. Она сталкивает нас с иной, возвышенной реальностью, с космическим величием человека.

Такова разница между тарелкой с изысканной росписью и картиной Рафаэля, между красивой и волнующей песней, которую поют в минуты веселья, и симфонией Моцарта, между изящным орнаментом и росписью Сикстинской капеллы.

"И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их", - слышится голос из глубокой древности, из тех времен, когда человек признавал за одеждой божественное происхождение. Бог дал ее людям не только для того, чтобы они прикрывали ею наготу свою и защищали свое тело от холода. Одежда являлась как бы отдаленным напоминанием того огненного облачения, которое носил человек в саду Эдемском. Люди "были наги и не стыдились" своего звездного тела, озаренного немеркнущим светом.

Почему же одежда, имея такую предисторию, не может поведать нам о высоких тайнах иного мира, не способна быть

символом, через который как через призму просвечивает неземная красота?

И сейчас, глядя на произведения Нафталиевой, я понимаю, что все это возможно, что передо мною - еще не раскрывшийся цветок - Искусство, которое делает первые шаги.

Костюмы Нафталиевой изначально не предназначены для того, чтобы их носили, это не "высокая мода" в обычном ее понимании. К ним следует относиться так же, как мы относимся к картинам, к скульптурам, то есть - к произведениям искусства. Безусловно, это требует переоценки наших взглядов на костюм, ведь мы привыкли смотреть на него с чисто потребительской точки зрения.

Творчество Нафталиевой невозможно заключить в какие-то рамки, как-то истолковать, разложить по полочкам, потому что мы имеем дело с таким явлением, где, как писал Юнг, "материал, то есть переживание, подвергающееся художественной обработке, не имеет в себе ничего, что было бы привычным; он наделен чуждой нам сущностью, потаенным естеством, и происходит он как бы из бездн дочеловеческих веков или миров сверхчеловеческого естества, то ли светлых, то ли темных, - некое первопереживание, перед лицом которого человеческой природе грозит полное бессилие и беспомощность".

Когда вы увидите ее костюмы, вы, вероятно, почувствуете, что за ними действительно стоит какая-то иная реальность - я, признаюсь, ощутил что-то сродни мистическому трепету...

Творчество Нафталиевой имеет глубокие корни: в своих модернистских поисках она обращается к образам всей мировой культуры. Ее вдохновляют и таинственная суровость мемфисских храмов, и бурная экспрессия Поллака и Кандинского, и изящность боттичеллиевской кисти, и высокая готика с ее бесконечным порывом к Небу. Вы почувствуете это, увидев один только костюм "Египет". В движениях манекенщицы, превратившейся в египетскую жрицу, даже, в богиню, величественную супругу Солнца, угадывается грациозность и ритуальная строгость культуры земли Кемет, с ее храмами, пирамидами, культовыми действиями, шепотом заклинаний и чудесами балзмамирования. Нафталиева смотрит на древний Египет глазами человека XX века; ее взгляд, обращенный назад, проходит через все слои мировой культуры, и быт потомков Мицраима представляется в совершенно новом свете. Так, образы древнего искусства возрождаются и становятся достоянием современного.

Мне кажется, отношение Нафталиевой к Красоте очень личностное, а это, в общем-то, всегда и отличает настоящее искусство, так же как личностное отношение к Богу - истинную веру.

Красота, а так же и Премудрость, некогда понимались как женское начало в природе, она имела свои онтологические корни и олицетворялась то с Вечной Женственностью, то с Софией. Художники и философы, будучи, в основном, лицами мужского пола, отличались рыцарским отношением к этой силе, их творчество основывалось на любви к ней как к Прекрасной Даме. Рыцарями Вечной Женственности были и Платон, и Апулей, и Данте, и Владимир Соловьев.

Нафталиева относится к Красоте, естественно, не как к возлюбленной, не как к принцессе, ради одного взгляда которой можно пройти тысячи препятствий, а как к госпоже и подруге. Так же, вероятно, относится служанка к своей хозяйке, которая бесконечно приближала ее к себе, доверяла многое и удостоила чести быть сообщницей во всякого рода тайных делах... Мне показалось, что искусство Нафталиевой - это еще одно воплощение культа Вечной Женственности. Обращаясь к женщине космической, а не социальной, оно способно противостоять тем попыткам изуродовать женщину, лишить ее женственности, "приравнять" к мужчине, которые делались раньше, делаются и сейчас. Легкость тканей, изящность движений, - все это так присуще тому, с чем мы сейчас ассоциируем женственность, красоте...

Но вспомним, что мы на представлении, а не на обычном показе, что речь идет о театре, а не об ателье. Костюм не просто демонстрируется, он как бы играет самого себя. В задачу манекенщицы входит не только показ достоинства костюма - она как бы полностью сливается с ним, оживляет его: ее сердце становится сердцем костюма, ее кровь - его жизненной силой. Все это придает театрализованному шоу характер культа, мистерии.

... Появляется последняя жрица в ослепительно белом наряде, напоминающем свадебный. Ее лицо окутано тонкой черной тканью. Кажется, это символ души - невесты, ждущей своего жениха. Она скорбит, потому что знает: Он был растерзан и поруган, Он ушел в недостижимую даль. Но Жених вернется - и тогда она снимет траурную маску и воссияет во всем своем блеске.

Жрица исчезла, завеса между двумя мирами закрывается, гаснут прожектора, затихает музыка. Но Искусство длится.